

Э то была не простая очередь, за место в ней бились известные в нашем городе люди. Очередь на испытание ребятшек по различного рода знаниям, чтобы попасть в детский лагерь «Sunshine». Прежде всего, экзаменаторов интересовало знание английского языка, поскольку лагерь был российско-американский, и вожатые в нем, как сказали, будут по большей части американцы. Это был 1997 год, американцы нам тогда еще нравились, мы им даже завидовали. Чему конкретно — не берусь ответить точно. Как бы там ни было, очередь в заветную комнату Дворца пионеров (он тогда еще так назывался) выстроилась огромная. Несколько раз из дверей появлялась востроносая девушка в больших круглых очках с гладко зализанными волосами (прическа «я — строгая училка»).

— Места в лагерь строго ограничены, поэтому тем, кто в себе не очень уверен, лучше не терять зря времени.

Наверно, весьма неуверенными в себе были мы, тем более что пристроились в самый конец очереди. Я забрал вас с мамой

с дачного участка, где ты с первых же дней школьных каникул поселился с бабушкой. Футболка более-менее свежая нашлась, а вот шорты не то чтобы грязные, просто — или мне показалось? — грязь была того же цвета. Бинт, который был намотан поверх гипса, уж точно, чистотой не отличался. Ты неделю назад упал с велосипеда, сломал мизинец.

— Давай хоть верхний слой смотаем, — предложил я, но мама сказала, что уже смотала, сколько можно было.

Поскольку все тут были в той или иной степени «языкастые» (английский знали), мне сразу же растолковали, что название лагеря переводится как солнечный свет или источник радости, или даже попросту — счастье. Я подивился: какой, однако, английский, многослойный!

— Дядя Саша! Здравствуйте!

— Анька! — с трудом узнал я и тут же, заметив за ее спиной здорового детину в черном костюме (бедный, июнь заканчивается, жара!), поправился. — Анна, ты с кем?

Она оторвала от папы (черный костюм) мальчика одного возраста с тобой, только ладно подстриженного, в брюках и белой сорочке с галстуком-бабочкой.

«Отличник!» — отозвалась во мне уверенность.

— Вот, познакомьтесь, Анатолий.

«В честь отца», — отметил я про себя. С отцом ее, бывшим футболистом, мы работали на строительстве дороги. Как самых крепких и неквалифицированных, нас заставляли таскать тяжеленную виброрейку, уплотнявшую бетон, и вручную растягивать асфальт там, где машине не пройти. Иногда, чаще всего субботними вечерами, я приходил к ним в гости, и Анька по заказу отца пела под собственный аккомпанемент на пианино «Мурку». Бывало, раз по десять за вечер. Отца, уже отведавшего горькой водки, прошибала слеза от счастья и гордости за талант дочери. Анька росла, из красивой крупной девочки превращалась в красивую крупную девушку, и вот передо мной красивая крупная женщина. И мужа я припомнил — точно, он, только я застал его в роли жениха и таким дрищем в спортивных штанах. Теперь в объемах он догнал и обогнал Аньку. Еще мне запомнилась ванна в квартире футболиста, она всегда была наполнена рыбой, и я несколько

раз едва сдерживался, чтобы не спросить: вы когда-нибудь маетесь? Рыба — предмет бизнеса жениха, так, вероятно, осталось и по сей день. Как-то я встретил жену Анатолия, Анькину маму, на улице, и она сказала, что зять у них — рыбный король.

Тебя не заинтересовало королевское семейство, по-моему, ты специально отвернулся, чтобы не подавать руки отутюженному сверстнику. Жара на улице, духота в переполненном фойе Дворца, а в обозримом пространстве ни лимонада, ни просто водички. Очередь продвигалась медленно, я успел рассмотреть присутствующих, многих из которых знал.

— Бомонд! — буркнул я, отвечая на приветствие хозяина дорогого магазина «Алиса».

Свою Алису (конечно же, ее звали именно так!) он крепко держал за руку, будто она собиралась удрать отсюда. Может, так оно и было. Рядом с ним маялся хозяин пейджинговой компании, то и дело сообщая что-то в огромный радиотелефон, чуть в стороне банкир с толстым мальчиком в очках... «Что мы тут делаем, — не оставляла меня мысль, — среди этих козырных королей и тузов?» Твоя мама, к тому времени получившая скромную должность в пресс-службе районной администрации, смотрела на все происходящее со своей позиции: во-первых, чему быть, того не миновать, во-вторых, мозги и знания не купишь. Твои родители — журналисты, извини, брат, тебе не пришлось выбирать. А пришлось бы?..

Родили мы тебя поздно, мне и маме было по сорок. Мужу что, а вот маме достался ты, первенец, в таком возрасте с такими страданиями... Лучше не вспоминать. Да при всем прочем в роддоме заразили гепатитом при переливании крови. Болезнь оказалась неизлечимой, здоровье мамы день ото дня ухудшалось, она, веселая всегда, улыбалась все реже. Вот и сейчас сидит с отрешенным видом, смотрит мимо всего сущего, куда-то за пределы видимого. И молчит, молчит, молчит... Мне грустно и досадно, что помочь не могу, что здоров, как десятиклассник на каникулах, что кончились деньги и не на что покупать дорогушие лекарства. Спасибо свояку, наполовину американцу (грин-карту уже получил), привез из Штатов большую упаковку ампул. Говорит, там лекарства лучше наших. Для меня главное — денег не попросил.

Ты терпелив на удивление. После деревенских просторов, после вольных пажитей этот переполненный взмокшими родителями и юными претендентами на кусочек американского счастья холл напоминал парилку, перед которой забыли раздеться. И вроде как тебя все это не касается, не интересно тебе. Ну, привели, ну, сижу.

— Слушай, — придвигаюсь к тебе поближе, — а как будет по-английски «скоро наша очередь подойдет?»

— Понятия не имею, — бросаешь ты небрежно, а я в очередной раз спрашиваю себя: «И какого дьявола мы здесь делаем?».

Пробыл ты в комнате испытаний совсем недолго, по моему ощущению, только успел войти — и вот уже на выходе. «Выперли!» — сказал я себе, а тебя потрепал по волосам и протянул бейсболку (настоящая штатовская, подарок родственника-полуамериканца).

— Мороженого?

— Пива из холодильника, — пошутил ты, отгадав мое желание.

— А тебе, мама?

— И я бы от пива не отказалась. А лучше белого вина, холодного, искристого... Помнишь, пароход, море, солнце, официант весь в белом и золотистое вино в ведерке со льдом...

Конечно же, я помнил. А еще понимал, что мы сейчас будем говорить о чем угодно, лишь бы обойти главную тему и не полезть с вопросами к сыну: как там, что ты, твои ощущения? Очкастая училка объявила, что результаты все узнают по телефонам, которые обозначили в анкетах. Нам ничего не оставалось, как сидеть дома и ждать.

Вот уже и вечер опустился, я искурил на балконе полпачки сигарет, разглядывая заобские дали, среди которых отдельным пятном выделялась деревенька с нашим домиком и участком, именуемыми дачей. Правда, там, вдали, было несколько таких пятен, то есть несколько деревень, и какая из них наша, я доподлинно не знал. Можно было, конечно, выяснить, а зачем? Так интереснее.

— Можно я несколько дней дома поживу?

Мы знали, что тебе порядком надоела деревня с ее однообразными трудовыми буднями (у бабушки не забалуешь: труд делает

из тебя человека! — педагог старой школы), но оставлять в городской квартире одного не хотели.

— А бабушка?! — воскликнули мы хором и следом вразнобой. — А Треф, а куры?!

Треф — это наша собака миттельшнауцер, приобретенная для дома, чтобы тебе не было одиноко, пока мы на работе. Кур завели по настоянию бабушки, дескать, подспорье в семейном бюджете, к зиме морозилки забьем мясом. Наивные горожане! Это мясо, пока действительно в мясо превратится, сожрет втрое больше, чем заплатишь на рынке за готовых кур — откормленных и ободранных.

— А как же я в лагерь уеду на три недели? Кто будет с Трефом гулять и за курами ходить?

Хорошо помню, ты так и сказал — курами, деревенские все так говорили. А мы с мамой озадаченно переглянулись: в лагерь он поедет!

— Пойду на улицу, — поднялся я со своего места, — темнеет уже, вряд ли теперь кто позвонит.

И тотчас телефон зазвонил. Мама оказалась проворней всех, хотя «этих всех» дополнял только я. Ты даже ухом не повел.

— Да, — следом прозвучала наша фамилия, — да. Я вас поняла. Спасибо.

Не помню, чтобы я когда-нибудь видел маму в такой растерянности. Она положила трубку, но продолжала, не отрываясь смотреть на нее, будто общение с этим куском пластмассы еще не закончилось. Потом медленно перевела взгляд на меня и тихо-тихо молвила:

— Наш лучше всех...

Тут-то нас прорвало: что спрашивали? Что отвечал? По литературе вопросы были? А английский, английский-то как?.. Ты вяло отмахивался:

— Да не помню я, муру всякую спрашивали, детские вопросы.

— Видала! — И я передразнил тебя: — Детские!

Мы пару раз приезжали в тот лагерь — ничего особенного: типичные строения пионерских времен, спортплощадка, покрякивающееся баскетбольное кольцо, потрепанный теннисный

стол. Кульки со сладостями и чистые майки — тебе, грязные — нам. Час, другой — и мы поехали. Двоих американцев ты нам показал, остальные — твое высказывание — сбежали с поносом, не вынесли нашей столовки. В последних словах сквозила гордость патриота. С одним из оставшихся ты перебросился несколькими словами, и мы с мамой обменялись гримасками: чешет (ты, понятно, имелся в виду) на чужом языке — ну, чисто американец!

Больше ничего примечательного в той лагерной истории мне не запомнилось. Да и не было, во всяком случае, для нас с мамой. В следующий раз мы посетили «Sunshine», когда забирали тебя оттуда.

— Come for a visit! — крикнул тебе на прощанье заокеанский вожатый.

— Necessarily! — помахал ты ему.

И пояснил нам: в гости зовет.

— А ты?

— Конечно, сказал, приеду!

— Во-от, — сразу поддержала тебя мечтательница мама, — лучшая практика приобретается в языковой среде...

А я мысленно заглянул в свой бумажник. Америка!

Потом все пошло по заведенному порядку. Под выходные мы с мамой приезжали на дачу, я строил сначала дом, потом баню, потом гараж, мама возилась на огороде или что-нибудь заготавливала на зиму, а ты выполнял бесконечные бабушкины задания, чаще всего на том же огороде. Колорадских жуков она категорически запретила травить, чтобы не портить общую картину экологического благополучия в нашем хозяйстве. И ты ходил по рядкам с крепким раствором соли в баночке, складывая туда полосатых вредителей. А еще вы с бабушкой ставили опыты на картофельной делянке. Помню, на небольшом участке в качестве посадочного материала вы использовали картофельные очистки, и бабушка по-учительски втолковывала:

— А в войну, думаешь, как выживали? Очистки ели, очистки и в землю клали, под будущий урожай

Картофельные опыты бабушки были неистощимы. При посадке мы по ее настоянию клали в лунку вместе с картофелиной (иногда это был всего лишь глазок, иногда половинка клубня — бабушка агроном-испытатель, а не учитель русского и литературы!) соленую кильку. Это, якобы, против червяка проволочника. Иногда подсыпали золу, а то, бывало, луковую шелуху, которую копили на городских квартирах всю зиму. Помню, как-то по осени мы сильно веселились на сборе урожая: лучше всего прочего удалась картошка из очисток!

Тогда я и подозревать не мог, что те огородные упражнения отзовутся потом в тебе полной неприязнью ко всякому земледелию. Сам-то я вырос у материных родителей на огороде, полл, копал, прореживал — и ничего, до сих пор с удовольствием ковыряюсь в саду. Впрочем, из отцовских привязанностей тебе не досталось ничего — ни огород, ни рыбалка, ни лыжи, ни гитара или какой-нибудь там тромбон. Гитара — да, разговор особый. Когда после американского лагеря тебе сняли гипс, я обратил внимание, что сломанный мизинец смотрит как-то неровно. Врач посмотрел на свет контрольный снимок и сказал.

— Срослось неровно, надо ломать и снова в гипс. А вообще-то я бы не рекомендовал. В баскетбол играть неловко, на гитаре — вряд ли получится... Ты собираешься на гитаре играть? — адресовался он к тебе. — Нет? Ну вот, видишь...

Так и порешили: оставить все как есть.

А пару недель спустя эту же руку тебе порвал стаффорд, собака-убийца, чей хозяин, отставной полковник, сам напоминал живодера из фильмов, где американские командос издевались над маленькими туземцами. Он ходил в военной полевой форме без опознавательных знаков, в солдатских берцах, и с лица его не сходило выражение угрозы. Я не успел обдумать план мести, потому как ты уверил меня, что виноват сам. Прости, мой друг, ты облегчил мне задачу, над которой я, если честно, не очень-то хотел трудиться. И почему это мне сразу не пришло в голову: как же ты мог быть виноват, если ты шел по улице, а собака выскочила со двора? Держать такого зверя в свободном доступе к людям! Но вот наш пес, отважный, преданный и бесстрашный миттельшнауцер, два дня спустя бросился

на гулявшего за деревней с хозяином стаффорда, очевидно, с намерением отомстить за тебя. А как иначе истолковать этот бессмысленный поступок кобелька, многократно уступающего врагу по всем статьям? Треф был смят в одно мгновение и оказался бы попросту разорванным, если б хозяин стаффорда не догадался накинуть ему на шею поводок и затянуть удавку изо всей силы. Пес захрипел и ослабил хватку.

— Только так, — мрачно изрек хозяин и увел своего свирепого охранника.

А нашего бойца мы уносили с поля битвы на руках и потом целый месяц лечили его раны мазями из бабушкиной аптеки. И удивлялись, что за все это время он едва одолел чашку каши.

— Животина лечится голодом, — сообщила бабушка и глубокомысленно глянула на мой живот.

В один из выходных к нашим воротам примчался на «Волге» директор здешнего помирающего совхоза, заслуженный хозяйственник, орденосец и вообще — хороший дядька, являвший собой тот трагический отряд советских руководителей, которые по привычке безжалостно рвали себя на выполнении непонятных задач и планов и никак не хотели верить, что вместе с большой страной уходят в небытие их предприятия и хозяйства.

— Ваша делянка на третьем километре перед поворотом на Лесное, — взял он с места в карьер.

Я-то уже знал, в чем дело. Он не в первый раз объезжал дачников и пытался выгнать их на прополку совхозных овощей. Дачников в его деревнях к тому времени уже набиралось больше, чем работников совхоза, однако никто не рвался к трудовым подвигам на общественной ниве. Наш директор был маленького роста. Когда ругался, а ругаться, похоже, ему приходилось постоянно, походил на разъяренного гнома.

— Бездельники! — горячился директор. — Сели тут на нашей земле и помочь не хотят! Для вас же выращиваем все, к вам на стол!

— Мы для себя сами выращиваем, — пытался остудить его я. — У меня в городе своя пашня, а здесь — законный выходной. Своих остолопов работать заставляйте!

— Мои остолопы давно уже стали вашими, на асфальт утекли, за сладким городским хлебом! А кто его вам выращивать, в конце-то концов, будет?

Потом он вспомнил Льва Толстого, который, по его словам, едва ли не большую часть своего времени работал на земле, а не за письменным столом. Опять же нам, городским дармоедам, в пример. Еще много чего наговорил. И тут, смотрю, ты откуда-то у меня из-за спины выдвигаешься, а в руках тляпка.

— Я пойду.

Спокойно так сказал, обыденно, как о давно решенном и не обсуждаемом. Не знаю, что еще могло бы так внезапно остановить нашу перепалку, но все стихло разом. Помню, тляпка эта несчастная показалась мне такой огромной, а ты — таким маленьким и беззащитным...

— Никуда ты не...

Договорить я не успел. Маленький директор в безнадежном отчаяньи махнул рукой, и «Волга» помчалась, укутывая пылью и своих, и дачников. И жалко, помню, мне его стало! Он-то почему крайний во всей этой бесчеловечной истории?!

В то лето, именно в то, не совру, я как раз и решил приобщать тебя к мужским делам и забавам. Первое дело — конечно, строительство, оно у меня проходило под знаком бесконечности. Ну вот, я же все умею, даром что гуманитарий, — столярничать, плотничать, кладку худо-бедно вести. И ведь никто специально не учил — где за дедом подгляжу, где за отцом. Так в пригляд и осваивал ремесла. За дедом, конечно, больше, отец все время на работе, редко когда по хозяйству. А все равно рукастый, тоже от предков перенял. Рыбалка и охота — это только дед, но уж и знатный был лесовик да речник-озерник! Без рыбы мы не жили... В общем, сажаю тебя поблизости, сам обшивкой нового дома занимаюсь. Думаю, вот и посмотрит, опять же что подать-принести сможет. Подумал — и забыл за делом про тебя, подать-принести — отвык я от этого, да и не привыкал, если по-честному, сам справлялся. Вспомнил про тебя — а ты сидишь там, где и сидел с самого своего прихода, книжку читаешь. Как сейчас помню — Меттерлинк. То есть вприглядку, понял, не получается.

На рыбалку поехали. Загрузили наш «Жигуленок» снастями, припасами, я подготовился основательно, все, думаю, покажу, в лучшем виде. Маму позвали с собой, но это так, для порядка, знали, что откажется. Приехали, расположились, я наладил снасти, тебе специально самую легкую удочку подобрал. Прикорм, червячок — все чин-чинарем. Встали неподалеку друг от друга. Я почти сразу же вытащил двух приличных подлещиков и крупную сорогу, дело пошло! Увлёкся и, честно сказать, на какое-то время опять забыл про тебя, она ж зараза, рыбалка эта! Смотрю — а удочка твоя лежит так аккуратненько на берегу, сам же ты чуть в сторонке под тополком и опять с книжкой! И когда только успел в машину сунуть, я не заметил.

— Не клюет, — предупредил ты мой вопрос.

Ну, значит, не клюет, бывает. Если уж опять по-честному, не очень я и расстроился, у меня-то поплавок нырял без передышку, как сейчас помню, редкий был клев...

Лето подходило к своей верхушке. Уже изрядно подсобрали лесных ягод, грибов. Особенно много в тот год было земляники. Все знают, хороша ягода — и ароматная, и вкусная, и полезная, и варенье из нее хоть куда, но собирать ее — наказание. Помногу в горсть не возьмешь, мнется, если спелая, вот по ягодке и складываешь в бидончик. Да и не сильно-то кистями она растет, тоже — по ягодке. Жара, а клещ еще не унялся, обязательно нацепляешь — только и дел, что осматриваем друг друга, обираем этих тварей. Наверно, это был самый серьезный довод, чтобы не брать тебя в лес по землянику — клещи. А ты и рад, книжек мама навезла гору.

А тут и клубника подошла, любимая ягода всей нашей семьи. Бабушку дома не удержишь, а тебя — не оставлять же на весь день одного.

— Ладно, бери книжку, — разрешает мама.

Клубничные места у нас свои, давние и никем чужим в те времена еще не разведанные. Когда-то там располагалось поселение, именуемое здешними старожилками Фиркордоном. Я так думаю, что полное название было у него такое — Фирсовский кордон, от имени одного из недалеких в округе сел. Кордон — скорее всего, в те давние времена здесь был пост лесной стражи. И лес

тогда был — никакого сомнения, тут и там разбросаны одинокие сосны. На этом месте жили люди, вот и кладбище заброшенное в березнике, никто не навещал уж десятки лет. А кругом заросли травы, из которой выглядывают ромашки, головы медово пахнущего лабазника и горделивые султаны подмаренника. В этой траве росла клубника, какой нигде раньше и потом я не видывал — крупная, ароматная, в спелости темно-бордовая.

Теща (твоя бабушка), наша мама и я разошлись по сторонам со своими бидончиками и ведерками, тебе досталась литровая эмалированная кружка. Ох и ягоды нынче! И собирать ее... Даже на рыбалке не всегда получается настолько отключиться от всего, чем постоянно занята голова! Однажды (то, правда, был поход за земляникой) я, собирая ягоду, сочинил стихотворение. Хорошее, плохое — неважно, однако сам себя удивил. До того я в последний раз пытался рифмовать три десятка лет назад.

— Папа!

Я тебя не видел, пошел на голос. Ты полулежал, опершись на локоть, в траве, раздвинувшейся под тобой на пробор, рядом кружка с едва прикрытым ягодами дном, на ладони несколько крупных клубничин.

— Клубника пахнет солнцем!

И столько радости, пыла и удивления в голосе и на лице — открытие сделал человек! Я приблизил к лицу свое ведро — ничего необычного, клубника пахнет клубникой. Но что-то в эти мгновения произошло, несомненно. Никогда тебе в этом не признавался, однако с той самой поры, глядя на солнце, я всегда вспоминал клубнику, ее запах, и для меня солнце пахло клубникой! Пахнет до сего дня!

Глупые мы, глупые! А если умнеем, как правило, задним числом. Спустя годы и годы я узнал, что жизнь в деревне, которая казалась нам, родителям, высшим благом твоего лета, твоих лет, для тебя была сущим наказанием. Бабушка, бывшая советская учительница, как многие нынче, ставшая нестигаемым новобранцем православия, заставляла зубрить Писание, строго наказывала за непослушание и все время предлагала новые трудовые задания. Сама она демонстрировала примеры стойкости

и здорового образа жизни, приседая по несколько сот раз (если суставы заболели, количество приседаний непременно увеличивалось), поедая мокрец и прочие сорняки. Она утверждала: трава, выросшая на неудобнице, есть природная сила, ее и должен потреблять человек. Надо же, я тогда всего этого не знал, не слышал, скорее всего, попросту не вникал. Нас забавляло и даже радовало, когда выпущенные из клетки бройлеры, взлетали к тебе на плечи, усаживались на голове, притом что никого другого близко не подпускали. Ты кормил их, ухаживал за ними — еще одна непреложная твоя обязанность...

Несколько раз я заставлял тебя спать на моем топчане в недостроенном доме. Жили вы с бабушкой в старой избушке, доставшейся нам от бывших хозяев, и бабушка ругалась, когда ты бегал на стройку: шею, дескать, свернешь. Теперь-то я понимаю, что тебе хотелось спрятаться от всех — от бабушки, от кур, бесконечных сорняков, колорадских жуков и даже от нас с мамой, приезжавших на выходные исключительно для того, чтобы поработаться вусмерть. До тебя ли им (нам) было! Я смотрел на тебя спящего и в который раз считал вихры на голове. Где-то слышал, что обладатель двух и более вихров будет в жизни особенно счастлив. У тебя их пять, считая косичку, в которую свиваются волосы, спускаясь к шее. У меня такая же. Когда в школе меня из-за нее начали дразнить девчонкой, я стал следить за стрижкой и с тех пор носил только короткие волосы... Ты спал, а я смотрел на тебя и думал, что ничего не знаю про твое будущее. И вовсе не потому, что будущее всякого человека мало предсказуемо, не важно, родной он или посторонний. В те времена всякое будущее (и твое, и мамино, и мое собственное) было настолько туманным — будто в молоке плывешь. А наш убогий семейный бюджет добавлял хорошую порцию сомнений в завтрашнем дне.

Перед самой школой, когда дачный сезон подходил к концу, но дел на огороде еще хватало, ты втыкал в землю семена редиски, что вызывало протест бабушки (редиска — весеннее дело!) и недоумение соседей. А весь секрет в том, что названный корнеплод должен был подойти через месяц, как раз к моему дню рождения. Это было ежегодным твоим подарком отцу (редиску люблю по-прежнему!). Она не успевала дойти до полной

кондиции, но все ж обрела вид близкого к готовности овоща, занимала на именинном столе почетное место и была самым дорогим угощением для меня.

Шло время, ты подрастал, в школе настаивали, чтобы тебя готовили к поездке в Америку на год по обмену. Ты отмахивался: — Чего я там не видел, в вашей Америке?!

А беда шла за нами по пятам. Лето. Совсем недавно отметили наступление третьего тысячелетия. У твоей мамы обнаружилась какая-то опухоль, и ей предстояла срочная операция. Врачи говорили, что мама вряд ли выдержит ее из-за своей хронической болезни, и, тем не менее, без операции не обойтись. Вот такой, брат, выбор... Мама перестала узнавать соседей, меня путала с кем-то и вообще путала все и всех. Она выходила на улицу, делала уборку в квартире, пыталась готовить, но к кухне я старался ее не подпускать, опасное место — кухня.

Больница. Подготовка к операции. Родственники подсказали отправить тебя в лагерь. Был такой заезд, где подростки осваивали будущие профессии. Ты выбрал журналистику и стал делать самую настоящую газету, в редакции которой занимал должности от редактора до корректора. Позднее ты показывал мне отпечатанные типографским способом выпуски — честное слово, профессиональная работа!

А маме все хуже, сладить с ней все труднее. Хотели привязать ее к койке, но я воспротивился, лучше буду сидеть рядом, дежурить. Да, сменить есть кому. Пока мы с докторами решали, что и как, мама сбежала. Вернули ее случайные люди, благо, поняли по больничному халату, откуда она могла уйти. Она, как рассказали, шла, временами бежала по трамвайным путям в сторону нашего дома и выкрикивала одно — твое имя. Мама рвалась к тебе. Засыпая после укола, она повторяла и повторяла... Наверно, в эти дни для нее уже никого, кроме тебя, не существовало.

Палата женская, потому я сидел перед входом так, чтобы мог видеть мамину койку и ничего больше. Нелегкое это занятие, бдение в ночи, из дел всего-то — перебирать прошлое. В памяти возникали картины и события в хронологическом беспорядке. Вот приехали из Рязани мои родители. Отец был тогда уже тяжело болен и потому большее время проводил в постели. Моя мама

закармливала тебя удивительными пирожками, в которых тесто она заменяла толченой картошкой. Тогда тебе было полтора года, и больше своего деда ты не видел. Другой дед умер ровно за девять месяцев до твоего появления на свет, и все в родне знали, что ты пришел ему на смену... А вот вы с мамой (это было как раз за год до сего дня) отправляетесь паломниками в Дивеево, на поклон к Серафиму Саровскому. Три с лишним тысячи верст с пересадками, ночевками и питанием неизвестно где и как! Последняя надежда — путешествие к целительному источнику!.. Тебе четыре года. Мы с тобой вдвоем пришли в храм к вечерней службе. Для меня не такое уж частое событие — посещение храма. Народу совсем немного, летнее время, огороды. Негромкий и не очень внятный голос священника, жиденский хор на клиросе. И вдруг — крик боли и отчаяния! Детский крик! Твой! Ты стоял чуть позади меня с гримасой боли и судорожно пытался что-то достать со спины. Это была оса, она выбралась из-под твоей рубашки и улетела. Я стоял потрясенный. Как же так!? Храм Божий! Дитя безгрешное! Возможно ли такое!? За что!?! Ты на удивление быстро успокоился и даже маме (я, помню, все ждал и ждал) не сказал ни в этот день, ни на следующий. Никогда. Мама верила. Неужели ты уже тогда своим маленьким сердцем почувствовал (ну, не мог же ты знать!), что нельзя спугнуть эту веру?

Меня подменяла жена маминого племянника, маленькая, бойкая и жалостливая. А мне, уставшему от бессонницы, не хотелось идти домой. Кругом цвело и благоухало, казалось, лето, и все, чем оно обозначено, не согласно с недугами, увяданием, немощью. Я выходил на трамвайные пути смотрел на их удаляющуюся, слитую в одно линию и пытался изъять из памяти шпал звук ее шагов, аромат волос и зовущий голос...

На похороны привезли тебя из лагеря. Ты был каким-то сдержанно-отрешенным. Ни словечка, ни слезинки.

А у меня выплыла из памяти фраза, услышанная где-то, не помню где, которая долго не давала мне покоя: молитва матери о детях имеет великую силу. И где же ее взять теперь, эту силу, чтобы тебя не оставить без поддержки?

И пошла наша жизнь дальше, без мамы. Ты, если не в школе, сутками напролет не отлипал от компьютера, и я радовался

тому — все отвлечение. Стирка, готовка, уборка, родительские собрания — как у всякой семьи, где подрастает сынишка. Только без мамы. А компьютер... Ты так с ним и сросся. Давно уже взрослый, и теперь для тебя эта машина с клавишами — и друг, и семья, и рабочий инструмент.

Бабушка, мама твоей мамы, твой дачный угнетатель, не смогла пережить смерть дочери и вскоре умерла. Как мне объяснили доктора, стрессовая онкология. То есть вроде болезнь как болезнь, только убивает мгновенно.

Дачу мы продали, и нынче в доме нашем ни картошки своей, ни редиски. Как выяснилось, не велика печаль, потому что моя готовка теперь тебе не нужна, в основном, ты предпочитаешь фастфудовское питание. А ковыряться в земле могу сколько угодно у моих друзей в саду, они только рады, поскольку сами предпочитают валяться на газоне.

Уже позади и школа, и университет. Живем вдвоем, друг другу не надоедая. Бывает, по два-три дня не видимся, это в одной-то квартире!

Хочу внуков, но что-то здесь у нас с тобой согласия не наблюдается.

— Столько девчонок под окнами ходит — глаза разбегаются!
А ты...

— Мне нужна одна.

— Ну, и где она?

— Пока не знаю.

В комнате у тебя я бываю крайне редко, знаю, что тебе мое присутствие там не очень нравится. Там у тебя семейный киот, который ты собрал, отыскав старые фотографии, часть которых мы привезли из Рязани, когда ездили навещать могилы моих родителей — твоих дедов. Даже мою фотку одел в рамочку и поместил среди родни. Сказал, что займешься поисками следов дальних предков и составлением родового древа. Надо же, мне вот в голову не приходило!

— А важно? — задал я провокационный вопрос.

— Важно!

И без комментариев. А еще там гравюра, подаренная каким-то художником твоей маме. Мне все время казалась она без-

дарной, и я хотел ее выкинуть. Ты не позволил. А однажды забрал к себе все фронтовые награды моего отца, которые, честно скажу, обретались у меня в ящике рабочего стола в беспорядке.

Свое тридцатилетие ты отказался отмечать наотрез. Накануне ты поменял место работы, как я понял, на лучшее. Поговорили о том, что нынче в приоритетах у работодателей — компьютер, язык, желательно, два, умение креативно мыслить.

— Это как?

— Не притворяйся!

Это ты мне. Да знаю я, что такое ваш креатив, конечно, знаю... Еще знаю, что ты искал новую работу давно, рассылал свои резюме по разным конторам. В предпоследней тебе отказали, объявив причину: слишком русский опыт.

— Тебе ж говорили, поезжай в Америку учиться! — подначивал я. Но ты не принял шутки.

— Пап, а ты знаешь, что они еще задолго до моего рождения, в 1980 году в штате Джорджия установили памятник победителям в войне сильных против слабых? Ты бы до такого додумался? Или твой батя?..

Вечером я тихонько приоткрыл дверь в твою комнату. Ты стоял ко мне спиной, облокотившись на полку так, что лицо едва не касалось большой фотографии. Это был портрет мамы.

Потом я долго бродил по улицам нашего города, по тем самым, где гуляли мы с твоей мамой, когда только познакомились.

Sunshine! Солнечный свет! Источник радости!.. Ступаю по шпалам трамвайной линии, уходящей далеко, у самого горизонта, в точку. По-моему, это западная сторона, и солнце, завершая свой завтрашний дневной путь, в какое-то мгновение окажется в этой самой точке.